

REVIEW. РЕЦЕНЗИЯ

Иванчик А. И. Надписи Северного Причерноморья. Лапидарные надписи. Т. I. Греческие и латинские надписи Тиры и окрестностей. — М.; СПб.: Нестор-История, 2021. — 232 с.

Вышел в свет первый том «Надписей Северного Причерноморья». Как отмечено в аннотации, это полное собрание греческих и латинских надписей «с территории древнегреческой колонии Тиры и из ее окрестностей, включая Никоний и римские укрепления между Орловкой (Картал) и Новосельским». Греческие и латинские надписи Северного Причерноморья неоднократно издавались на протяжении ста с лишним лет. Достаточно назвать корпус, изданный В. В. Латышевым (1885–1916 гг.), «Корпус Боспорских надписей» (1965 г.) и многие другие издания, ставшие библиографической редкостью. Однако рассматриваемый том оставил далеко позади последнее издание корпуса надписей Тиры (1916 г.) как по объему, так и по качеству. Если в первом из них рассмотрено всего 19 надписей, то в новом издании их 121. Все надписи заново обследованы и переведены на русский язык, каждая надпись снабжена тщательно написанными комментариями, учитывающими все достижения современной науки. Эта гигантская по охвату и ювелирная по точности работа проведена одним из лучших российских историков Аскольдом Игоревичем Иванчиком — автором тома и всего проекта, состоящего из шести томов. Учитывая исключительную важность материала, представленного в анализируемом издании, нелишне будет анонсировать содержание последующих томов.

Материал второго тома («Ольвия и окрестности») разбит на две книги: «Надписи догетской Ольвии (VI–I вв. до н. э.)» и «Надписи послегетской Ольвии (I–IV вв. н. э.)». Третий том («Херсонес и окрестности (Западный, Центральный и Южный Крым)») также состоит из двух частей: «Греческие надписи» и «Латинские надписи». Наиболее богатый материал представлен в четвертом томе («Боспор»), который предполагается издать

четырьмя отдельными книгами: «Надписи Пантикапея», «Надписи Европейского Боспора за исключением Пантикапея», «Надписи Азиатского Боспора» и «Надписи Танаиса». Каждый из двух завершающих томов состоит всего из одной книги: «Византийские надписи» и «Негреческие средневековые надписи». В последнем из них, помимо латинских надписей, будут представлены славянские и готские.

Структура первого тома, которая, надо полагать, будет повторяться и в остальных томах, такова. В «Предисловии к корпусу “Надписи Северного Причерноморья”» описаны география и хронология материала, история публикации надписей Северного Причерноморья, а также рассмотрены причины издания нового корпуса надписей [с. 11–33]. Во «Введении» представлен очерк истории Нижнего Приднестровья античной эпохи, а также — история исследования и состав и структура тома [с. 35–60]. Далее идет корпус надписей, материал в котором распределен по следующим параграфам: «Тира» [с. 61–182], «Район Орловки (Каргал) и Новосельского» [с. 183–190], «Никоний» [с. 191–193], «Dubia» [с. 195–201] и «Подделки, публиковавшиеся с атрибуцией Никонию или Тире» [с. 203–208]. Завершают том «Библиография» и «Указатели».

Материал, содержащийся в рассматриваемом корпусе, представляет собой ценный исторический источник. Он содержит также и иранский (скифо-сарматский) ономастический материал, имеющий первостепенное значение для истории осетинского языка. Следует при этом отметить, что, являясь самым западным регионом Северного Причерноморья, Тира и ее окрестности меньше всего испытали на себе иранское влияние. Неслучайно замечание А. И. Иванчика о том, что «[в] отличие от соседней Ольвии, имена варварского происхождения представителями тирской элиты использовались относительно редко» [с. 68]. Тем ценнее те свидетельства отношений между жителями этой греческой колонии и скифами, а затем и сарматами, которые прослеживаются как в корпусе надписей, так и в античной литературе, заново проанализированные автором.

Начнем с топонима «Тира» (греч. *Τύρας*, *Τύρης*, лат. *Tyras*), который возводят к гидрониму Тирас — скифскому названию современного Днестра. Скифский гидроним в свою очередь восходит к иранскому апеллятиву **tura-* ‘быстрый’ [Абаев 1979: 319]. Поскольку «Тира и Никоний были основаны в пределах второй половины VI в. до н. э.» и «с самого начала носили те же названия, что и позже» [с. 45], следует заключить, что тогда же и начались греческо-скифские контакты в этом регионе.

Нашли свое подтверждение и высказывавшиеся ранее предположения о скифском протекторате в этом регионе. А. И. Иванчик так резюмирует эти наблюдения: «Никоний, по-видимому, никогда не чеканил собственной

монеты — здесь использовались в основном монеты Истрии и Ольвии, с середины IV в. до н. э. также Тиры. Единственное исключение — серия литых монет разных номиналов и типов с именем скифского царя Скила (сокращения ΣΚ, ΣΚΥ, ΣΚΥΛ, ΣΚΥΛΕ), упомянутого Геродотом (IV, 76–80), который, по всей видимости, контролировал Ольвию и, возможно, некоторые другие греческие города (“скифский протекторат”). Предположение, согласно которому монеты с именем Скила отливались именно в Никонии, основано на том, что их находки достаточно часто встречались в этом городе, а за его пределами практически неизвестны. Если это так, можно предполагать, что у Скила были какие-то особые отношения с Никонием; вероятно, его “протекторат” распространялся не только на Ольвию, но и на Никоний и, скорее всего, Тиру» [с. 45–46].

Затем наступает черед греческо-сарматских контактов в регионе. В частности, говоря о событиях II в. до н. э., автор отмечает: «К частичной стабилизации политической ситуации привела политика понтийского царя Фарнака I, который, в частности, заключил в 179 г. до н. э. мирный договор с Евменом Пергамским, к которому присоединились Гераклея, Кизик, Месамбрия, Херсонес, а также сарматский династ Гатал (Polyb. XXV, 2)» [с. 47].

Свидетельством сарматского влияния является ономастика «Декрета в честь Коккея», датируемого 27 апреля 181 г. н. э. Здесь упомянут некий *Πιδανος Πιτφάρν[ακου]* ‘Пидан, сын Питфар[нак]а’ [с. 65, 66]. Как видим, и у отца, и у сына сарматские имена [с. 68], причем оба они являются производными от одного и того же иран. **pitā* ‘отец’ [Абаев 1949: 177]. Соответственно первое из них означает «(настоящий) сын (своего) отца», а второе — «носитель отцовского фарна».

Иранским считалось и третье «варварское» имя в этом же декрете, *Ζουρης* (из иран. **zura-* ‘сила; сильный’ [Абаев 1949: 190]), которое в настоящее время признано дакийским [с. 68].

В заключение отметим, что, несмотря на то, что рассматриваемое издание рассчитано на узкий круг специалистов по эпиграфике и истории Северного Причерноморья, оно представляет несомненный интерес также и для осетинистов, иранистов и представителей других гуманитарных наук.

Ю. А. Дзиццойты